

У

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР
№ 30194 1979г.

УУ

ПОСТАВЦ. ДВОРА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА А. А. ЛЕВЕНСОНЪ
МОСКВА, ТВЕРСКАЯ, МАМОНОВСКИЙ ПЕР., СОб. Д.

(Рождественская легенда).

Было время беды неизбежной ¹⁾, время великого страха. Искутился ²⁾ народ московский страшными делами, что творились на его глазах. С той поры, как стала зима, не проходило дня, чтобы не водили людей на лобное место...

Десятками вершили ³⁾ бояр и их держальников-послуживцев ⁴⁾ заплечные мастера ⁵⁾. Много и много всякого безвинно гибло народу. То и дело кликали клич бирючи ⁶⁾, сзывая людишек на площади смотреть, как казнит Грозный царь своих воров государевых и всех, кто воле его учинился ⁷⁾ ослушен. То и дело

протяжно звонил великий колокол, и народ, словно мутный вал в половодье, лился по улицам. И красила холмы и взлобья площадей неповинная кровь, и темными пятнами мерзла на белом снегу...

Казалось, и свет Божий стал не тот, что прежде: не (по времени-поре рано ударили крепкие морозы. Днем туманной пылью застилали они воздух, а вечерами прояснивало и горели кроваво-багряные закатные зори. Ночью на небе со студеной стороны Беломорской светили сполохи ⁸⁾), и при их свете по улицам носилась на конях безбожная опричня, ходили ватаги невиданных людей. В чудных шубах шерстью вверх, в высоких цветных колпаках, с домрами, гусями и гудками ⁹⁾), водили они с собой обученных псов. А иные ехали на подводах с женками в бесовских «харях» ¹⁰⁾), и за ними, привязанные на цепях, в перевалку шли грузные медведи. Псы и звери, приезде на площади, поднимали головы и нюхали воздух, напоенный кровью...

Небывалое творилось на Москве — неведомо откуда собирались эти люди. Только и слышно было, что повсюду: в Новгороде и по всем городам и волостям ведено было имать ¹¹⁾ веселых людей, скоморохов. домрачеев, гудочников, а также медведей, и отсылать на великого государя. Но раньше царя опричники тешились с веселыми людишками и зверями. Они врывались в ночное время в избы опальных ¹²⁾), смертным боем побивали челядь, драли людей медведями... И не чая избыть ¹³⁾ смертной беды, люди и малые дети металась от зверей из окон, падали на землю но и тем не спасались: здесь стерегли их острые ножи и топоры опричины...

Перед самым Рождеством Христовым приутихли казни. Зато слышно стало: наехал из Новгорода

с великой ватагой скоморохов веселый Суббота Осетр, тот самый, что на Софийской стороне, в земщине, бил нещадно и травил медведем дьяка Данилу Бартенева. На многих подводах, каждая о дву-конь¹⁴⁾, ехал Суббота со своими людьми, и вместе с ними, на роспусках, важно развалившись, словно родовитые бояре, сидели медведи. Так ехал Суббота Осетр, а наперед его бежали слухи о его кромешных¹⁵⁾ делах, и звали его в народе кромешником и сыроядцем¹⁶⁾...

Дело было поздно ввечеру, когда прямо с дороги Суббота был отведен в великую палату, где в это время пировал с ближними людьми царь Иван Васильевич. Он сидел на высоком столце,¹⁷⁾ а кругом великого стола, с ковшами и чарами в руках, тешились бояре и опричнтя. От многосвещного золотого паникадила, свешанного на цепях с потолка, было светло как днем. Среди палаты бились двое мужиков, и царь не отрывал от них горящего взора своих орлиных очей...

Афонька Вяземский¹⁸⁾ ввел к царю новгородского вожака медведей и скоморохов. Он поставил его у входа, а сам пошел и сел за столом на лавку.

Вот царь, видно натешившись, махнул рукой бойцам, и они проворно выбежали из палаты. Взор Ивана Васильевича скользнул по пирующим и перешел на Субботу. Тот рухнул на колени и земно ударил челом¹⁹⁾ и раз, и другой, и третий. В последний раз он припал к земле и в ожидании царского слова не поднимал головы.

— Поднимите его! — услышал скоморох тихий, шелестящий голос.

Страшный удар в бок чьей-то ноги заставил наскоро вскинуться Субботу. Он поднялся и с уди-

влением осмотрелся: прямо перед ним стоял молодец писаной красоты, в парчевом распашне ²⁰⁾ с алмазными пуговицами. Уперев руки в бока, он смотрел на него, как на пса, забежавшего в неугожее ²¹⁾ место.

В то же время злой скрипучий смех послышался с высокого стольца. Царь откинул голову назад, и острая седая борода его тряслась, и сверкали камни на островерхой шапке.

Дружным громким смехом ответно грянула на смех Ивана Васильевича вся палата, а сам милостивец и добродей скомороха, князь Афанасий Иванович Вяземский, закатывался пуше всех.

— Кто еси ты, человече? — все еще смеясь, обратился царь к Субботе. — Какой земли и по-что прибыл?

Новгородец опять упал на колени, но не бил челом, опасливо посматривая на стоящего рядом молодца. Тот тоже смотрел на него и улыбался.

Вяземский подошел к царскому стольцу, ударил челом и стал что-то тихо сказывать царю. Иван Васильевич слушал, пристально глядя на Субботу, а потом, указывая на него посохом, что-то молвил. Тогда Афонька приблизился к скомороху и с поклоном сказал ему громко, на всю палату:

— Суббота-ста! Указал тебе великий царь тешить его милость весельем скоморошьим со игрецы и медведи!

Обрадовался скоморох, заторопился. Он знал, — всего можно было ждать от Грозного царя: можно было, на место потехи, угодить в яму ²²⁾, а то и хуже. — Бросился он на крыльцо, оттуда к своей ватаге, и через малое время вернулся с ней вместе. И ввалилась в просторную палату скоморошья челядь. Закакали тонконогие козы, зазвенели гусельные струны

под перстами слепцов, заиграли гудки и сопелки, и под гусельный звон заплясали с ревом грузные медведи. Ходуном заходили на столе чеканные кубки и братины²³)...

Что дальше, то больше разгоралась потеха. По знаку поводырей, начали звери бороться и тягаться один с другим, а потом и с людьми. Откуда ни возьмись, явились два дюжих мужика в красных рубахах и схватились с самым большим медведем. Они легко одолели его и раз и другой — зверь поддавался. Но вот, падая, он задел головой за угол изразчатой печи и разозлился. Не успел подбежать поводырь, как он уж подмял одного из борцов под себя, и через малое время того замертво вынесли из палаты. А царь, не отрывая глаз, любовался на потеху и смеялся, трясая своей острой бородой.

Но вот повелел он честить зверей пенником и медом. Подали огромные золоченые братины. Брали их медведи в обе лапы и, сопя, выпивали одним духом, а выпив, становились пред царем и кланялись земно. А тут переменяли черед потехи: Суббота посадил самого большого медведя за стол на большое место и, по слову Грозного, все стали подходить к нему, выпивали почестную³⁴) чашу и кланялись зверю.

— В честь да во здравие твоей милости! — говорили бояре и опричники с поклоном.

А зверь встряхивал косматой головой и ревел.

Поодаль от всех сидел на пиру князь Данило Иванович Челяднин. Он знал: держит гнев на него государь Иван Васильевич, и ждал себе беды, — только не ведал, откуда она придет.

Князь не пошел на поклон к зверю. Было ему не до потехи: томила его тяжкая дума. Облокотив-

шись на стол, сидел он и не видел, что творилось в палате. А кругом его сновали веселые люди: кто плясал, вздевши на себя бесовскую харю, кто кричал песню, а кто и просто ходил в прискочку. Не по одной чаре было выпито, и вино всех разбирало.

Вдруг перед князем встал Федор Басманов.

— А ты что-же не идешь, княже? Аль не слышал государева указу? — нагло усмехаясь, спросил он Челяднина.

Ничего не сказал в ответ Данило Иванович, — только расправил седую бороду, да смерял обидчика взглядом строгих очей.

— Его милости невместно бить челом! — на всю палату прошипел голос Иоанна, и было в нем столько злобы, что сразу все затихли.

У всех захолонуло сердце.

— Боярская спина упряма, — угодливо сказал кто-то из опричников, — ее нагибать надо. Сама перед одним топором гнется...

Поднялся Данило Иванович с места, прошел палатой и стал перед царем, покорно склонив седую голову. Молнии гнева засверкали в очах царя. Он высоко поднял посох, но, видно, опомнился и тут же опустил руку. А старый князь ударил ему челом и проговорил безстрашно, словно и не приметив грозного взмаха:

— Смилуйся, пожалуй, великий государь! Не вели холопам твоим рушить моей чести. Ради службишек моих не отрини мое челобитье! Наш род Акинфов...

Страшная усмешка покривила губы Иоанна. Опять, словно сама собой, поднялась рука с остроконечным посохом и опять опустилась.

— Добро! — сказал он, тяжело дыша, почти за-

дыхаясь. — Знать, не нашему убожеству честить Акинфов. Где уж нам, бедным и скудоумным! Благо ти, княже Данило Иванович... Не кладу порухи ²⁵⁾ твоей чести, — не вместно тебе быть у нашего стола, тешиться с нами в убогой моей избенке. Ступай ин в свои великие хоромы. Разступись на стороны, смерды! Дорогу княжати Акинфу! — Велий ²⁶⁾ бо есть царя и великого князя всей Руси! — вдруг крикнул царь и сел опять на свой столец и рассмеялся страшным смехом.

И вся палата загремела долго не стихавшим смехом.

Князь выслушал, не дрогнув. Он знал, что это конец, что смерть стоит у него за старыми плечами, но не сдался и не устрасился.

Одна дума была у него в голове: дадут ему уйти домой, или, как водилось, повершат тут же на дворе, не дав проститься со своими?. А дома ждал его любимый внучек, малый княжич Данилка...

Еще раз истово ²⁷⁾ и неторопливо ударил челом до земли Данило Иванович, потом поднялся и пошел из палаты, высоко подняв голову. Никто не заступил ему дорогу. Невозбранно вышел, он и со двора, мимо пищальников ²⁸⁾ и дозоров. Только двое из всех бывших на пиру: Афонька Вяземский да Федор Басманов, проводили его до сеней. Они низко кланялись и говорили:

— Здрав буди, княже! Не оставь своей милостью нас, твоих холопей!

По уходу Челяднина, Иван Васильевич подозвал к себе Субботу Осетра и что-то ему молвил. И в один миг по палате полетела весть, что царь в канун праздника Христова Рождества велит всем собираться и идти со славленьем и коледою к боярину князю Даниле. Осетру сказано: брать с собой

медведей и скоморохов, а опричникам быть в ратном уборе²⁹)...

И снова закипел пир. Всех охватило безудержное веселье. Сам царь поднимал чашу за чашей. Субботу Осетра с медведями выгнали вон — прискучила медвежья потеха. Теперь ударили по струнам гусли, загремели песни. В парчевом летнике³⁰), изгибаясь девичьим станом, Басманов плясал перед царем.

Отдыхал народ московский: не звонил уныло великий колокол, никого не вершили на площадях. Кое-когда только грозной тучей проносилась по улицам опричня, а о наездах было не слышно. Видно, не до них было кромешным царевым слугам: на «верху»³¹) едва не ежедневно шли пиры да потехи.

У двора князя Челяднина, будто недельщики у татейной ямы³²) день и ночь ходили какие-то люди. Походят и уйдут, а смотришь — на смену приходят другие. И думали княжие соседи, что это не к добру...

Так прошло время и настал канун великого праздника Рождества Христова — сочельник. Тихий миновал день, тихий опустился и вечер над Москвой. Вызвездило, будто кто блески золотые без счета раскидал по темному бархату неба. По улицам мало было народу: все сидели по домам и готовились встретить великий день Божьего пришествия на землю. Темные и тихие стояли высокие избы и хоромы; и чуть виднелись их острые кровельные верхи. В слюдяных окончинах³³) с мелким переплетом слабо светили лампадные огни.

На крутом завороте кривой улицы близ хором князя Данилы Ивановича Челяднина показалась и задвигалась темная полоса... И казалось, не было ей

конца-краю... Едва отличались в ночной тьме кони с санями и вершны³⁴). За ними огромная ватага людей шла сплошным темным хвостом, а в ней тяжело переваливались на четвереньках темные кучи медведей. И ни выкрика, ни слова... Разве где пролязгает железо цепи да Фыркнет испуганный конь.

В долгих санях, крытых алым сукном, сидел царь Иван, кутаясь в чернолисию теплую шубу. Холодно Грозному, но не от мороза: чудится ему, что со стороны у саней идет стар-человек в белой одежде, идет, наклоняется к нему и шепчет: «престани³⁵) от люто³⁵сти твоей, Иване! Тебе говорю— престани!».

— Кто еси, старче? — спрашивает царь.

Но нет ответа, а едущие рядом опричники дивятся, что государь беседует незнамо с кем.

И опять слышит он тихий голос: «престани, Иване! Не испытай без меры милосердия Божьего»...

— Кто тут? — в испуге вскрикивает царь.

— Твои холопы, великий государь! — слышит он голос Вяземского.

Но вот царские сани и всадники поравнялись с Челяднинским двором. «Много добра у князя Даниила», — думает Иван Васильевич а со стороны опять шепот: «престани, престани»...

Словно сами собой распахнулись тесовые ворота, и вся ватага с вершниками впереди стала вваливаться во двор. У крыльца остановились царские сани. Спешились опричники и бояре, сгрудились около царя. Вот под руки ведут его по крылечным ступеням, а у самих в руках у кого нож, у кого топор..., Смутный говор пробегает в толпе и врывается в святую тишину. Раскрыта окованная дверь—просторные сени палат, а там видна «крестовая»: желтая

свечи рядами горят в паникадильцах перед иконами, а ярче всех перед праздничной Рождества Христова. И чудное дело! Царь смотрит — и не верит своим зорким очам: неведомый старец, что всю дорогу шептал ему на ухо смутные угрозы, уж здесь. Он стоит лицом к нему, маленький и тощий, с косицами белых волос на голове и бороде, в сияющей серебротканной одежде, и манит его к себе. А за ним князь Данило Иванович с малым внучком на руках. И радуется безвинный младенец невиданному сборищу, смеется... Тешит его золотая парча царской одежды, радуют сверкающие камни на околе его шапки...

Позади, в сенях, тяжело затопали, застучали когтями грузные звери. Иван Васильевич обернулся и махнул рукой. В один миг все стихло, а потом отхлынуло назад, на крыльцо, а там и на двор. В палатах остались только опричники и ближние люди.

И вдруг у Крестовой, вместо скоморошьей коледы, раздалась радостная рождественская песнь. «Дева днесь Пресущественного рождает»... слабый и дрожащий запел старческий голос. «И земля вертеп» Неприступному приносить» — слился с ним голос царя, под стали опричники и бояре... И полились чудные слова торжественным могучим хором перед иконой Рождества Христова.

Суббота Осетр выскочил из хором позади поводырей и медведей и остановился на дворе. Звери сбились вместе и обратили свои страшные морды к востоку... А сзади, в палатах, стройно раздавался хор царского славенья. И вдруг Суббота увидел, что медведи разом уткнулись в снег головами, будто творя земные поклоны... В великом страхе скоморох упал на колени...

После того по Москве долго ходила молва, что у князя Челяднина вместе с царем и лютые звери славили Бога.

По славлении бил челом и подносил Ивану Васильевичу алое сукно, парчу и золотые ковши боярин князь Данило Иванович Челяднин, радостный, что миновала смертная гроза. Светлый же старец исчез, а как—никто и не приметил.

Примечания.

- ¹⁾ Неизбытной — неминуемой, непереносимой.
- ²⁾ Искрутился — испечалился, изгоревался.
- ³⁾ Вершили—казнили.
- ⁴⁾ Держальники — послуживцы — сторонники, близкие люди больших бояр, выходившие с ними на службу.
- ⁵⁾ Заплечные мастера—палачи.
- ⁶⁾ Бирючи—глашатаи, сзывальщики.
- ⁷⁾ Учинился—сделался, стал.
- ⁸⁾ Сполохи—северное сияние.
- ⁹⁾ Домры, гусли, гудки—древне-русские музыкальные инструменты.
- ¹⁰⁾ Хари—маски.
- ¹¹⁾ Имати — братья.
- ¹²⁾ Опальные—люди, навлекшие на себя гнев царя.
- ¹³⁾ Избыть — избавиться.
- ¹⁴⁾ О дву-конь — в две лошади, парой.
- ¹⁵⁾ Кромешный - здесь: темный, ужасный
- ¹⁶⁾ Сыроядец — человек зверь, кровоопийца.
- ¹⁷⁾ Столец — кресло, трон.
- ¹⁸⁾ Один из любимцев Иоанна.
- ¹⁹⁾ Земно ударил челом—поклонился до земли.
- ²⁰⁾ Легкая верхняя одежда.
- ²¹⁾ Неугожее — не подходящее.
- ²²⁾ Яма—тюрьма.
- ²³⁾ Братина — большой сосуд, похожий по Форме на горшок.
- ²⁴⁾ Почестная чаша—заздравная; чаша, которую пили в честь кого
нибудь.
- ²⁵⁾ Класть поруху чести — нарушать честь, оскорблять.
- ²⁶⁾ Велий—больший.
- ²⁷⁾ По установленному обычаю, чинно.
- ²⁸⁾ Людей, вооруженных пищалями, ружьями.
- ²⁹⁾ В ратном уборе — при оружии.
- ³⁰⁾ Летник — одежда женская.
- ³¹⁾ Наверху — у царя.
- ³²⁾ Недельщики у татейной ямы — сторожа у воровской тюрьмы.
- ³³⁾ Окончины — оконные рамы. В старину в них вместо стекол
вставлялась слюда.
- ³⁴⁾ Верховые, всадники.
- ³⁵⁾ Перестань.

